

КВАНТОВАЯ

АЙВЕН НОРТ

ПЕТЛЯ

Айвен Норт

Квантовая петля

«Автор»

2026

Норт А.

Квантовая петля / А. Норт — «Автор», 2026

XXII век. Элитные агенты — «пилоты петли» — возвращаются в прошлое, чтобы предотвращать глобальные катастрофы. Максим Корсаков, лучший из них, хладнокровно выполняет задание, спасая космический мегаполис «Эдем-5» от теракта. Но, вернувшись домой, он обнаруживает, что его семилетняя дочь Алиса исчезла из реальности. Стерта. Принесена в жертву квантовыми законами как «статистическая погрешность» ради спасения миллионов. Осознав, что цена каждого его подвига — жизни «незначимых» людей, Максим восстает против бездушной физики. Он идет на преступление против времени и отправляется в прошлое, чтобы преследовать самого себя. Его цель — разорвать петлю реальности и вернуть дочь, даже если для этого придется пожертвовать спасенным миром. Сможет ли отцовская любовь переписать законы вселенной? И что значит быть отцом, когда тебя отделяет от ребёнка квантовая сингулярность?

© Норт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Эффект наблюдателя	5
Глава 1. Точка бифуркации	15
Глава 2. Чужая шкура	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Айвен Норт

Квантовая петля

Пролог. Эффект наблюдателя

Реальность – это поддон.

Максим Корсаков знал это с той самой секунды, как впервые погрузился в квантовую петлю семь лет назад. Тогда, в двадцать три, он ещё верил, что реальность можно обмануть, перехитрить, согнуть под себя, как податливый металл. Теперь, в тридцать, он знал: реальность только делает вид, что подчиняется. Она уступает здесь, чтобы ударить там, где не ждёшь.

Он лежал на спине в вентиляционной шахте космической станции «Титан-9» и смотрел, как над его лицом, в пяти сантиметрах от переносицы, медленно вращаются лопасти вентилятора. Обороты были рассчитаны так, чтобы промежуток между лопастями появлялся в одной точке каждые 0,73 секунды. Достаточно, чтобы просунуть руку. Или голову. Но только если точно рассчитать момент.

– Ты там скоро? – зашипел голос в наушнике. – У меня тут клиент нервничает.

Максим не ответил. Он считал про себя.

Семь лет назад, во время первого погружения, он чуть не сошёл с ума. Не от страха – от ощущения. Представьте, что вы надеваете чужую кожу. Чужие руки, чужие ноги, чужая память, которая не ваша, но которую вы почему-то помните. Чужой запах изо рта по утрам. Чужой страх перед высотой, которого у вас никогда не было. Чужая жена, которая смотрит на вас и не понимает, почему муж стал чуть иначе дышать по ночам.

Первый год после каждого прыжка он пил. Потом научился разделять.

Теперь это была просто работа.

– Четыре... три... два...

Лезвие вентилятора пронеслось в сантиметре от виска. Максим рванул корпус вверх, просунул плечи в узкое пространство между лопастями и через полсекунды уже катился по другую сторону шахты, в технический отсек, где пахло озоном и горелым пластиком.

В отсеке было темно. Только аварийные огни пульсировали красным, выхватывая из мрака контуры реакторных стержней. Станция умирала. Медленно, но неумолимо. Три часа назад здесь рванул кислородный баллон – классическая «случайность», за которой стояли вполне конкретные люди с вполне конкретными счетами в офшорных банках.

Задача Максима была простой: найти исполнителя, считать его память до того, как станция окончательно разгерметизируется, и вернуться в своё время с доказательствами. Рядовое задание. Одно из десятков.

– Второй, я на позиции, – прошептал он, поднимаясь на ноги. – Где цель?

– Двадцать метров на север, в диспетчерской. Сидит под столом и молится. Торопись, у тебя семь минут до отключения аварийного контура.

Максим двинулся вдоль стены, стараясь ступать бесшумно. Тело, в котором он находился, принадлежало местному сантехнику по имени Хуан – тихому пьянице, которого никто не замечал. Идеальный контейнер для внедрения. Хуан уже две недели как числился мёртвым в официальных отчётах, но здесь, в этой ветке реальности, он всё ещё дышал, пил дешёвое пиво и чинил протекающие трубы.

Настоящий Хуан умер бы через три дня от сердечного приступа. Максим просто немного ускорил процесс.

Так было проще.

В диспетчерской действительно кто-то был. Максим увидел его через разбитое стекло: мужчина в форме инженера лет сорока, сжавшийся в комок под столом пульта управления. Он трясся и бормотал что-то неразборчивое. В руке – распечатка с показаниями датчиков, которые уже не имели значения.

Максим вошёл тихо, но мужчина всё равно поднял голову. Глаза у него были белые от ужаса.

– Ты... ты кто? – прохрипел он.

– Сантехник, – сказал Максим, приближаясь. – Трубы текут.

Это была шутка, но мужчина не понял. Он вообще мало что понимал сейчас, кроме одного: смерть рядом. Она стояла перед ним в синем комбинезоне с разводным ключом в руке.

– Не подходи, – мужчина попытался вжаться в стену. – Я ничего не делал. Это не я. Это они...

– Я знаю, – мягко сказал Максим. Он присел на корточки напротив, стараясь не делать резких движений. – Я знаю, что не ты. Я знаю, что тебя заставили. Знаю про дочь, которую они забрали. Знаю про угрозы.

Мужчина замер. В белых глазах мелькнуло что-то похожее на надежду.

– Откуда... откуда ты знаешь про дочь?

– Я много чего знаю, Хорхе. Я знаю, что ты не хотел этого делать. Я знаю, что ты пытался саботировать взрыв, но они поставили дублёра. Я знаю, что сейчас ты думаешь только о том, увидят ли твои родители твоё тело, когда станцию прибуксируют на орбитальное кладбище.

Хорхе всхлипнул.

– Я не хотел... я просто...

– Я знаю. – Максим протянул руку и положил ладонь на плечо мужчины. Ладонь была чужой – мозолистой, с въевшейся грязью под ногтями, с татуировкой якоря на запястье. Рука Хуана. – Я здесь, чтобы помочь тебе. Но для этого мне нужно, чтобы ты закрыл глаза и расслабился. Просто на минуту.

Хорхе смотрел на него с недоверием. Вокруг гудели сирены, воздух становился разреженным – система жизнеобеспечения работала в аварийном режиме.

– Кто ты? – спросил Хорхе одними губами.

Максим улыбнулся. Улыбка вышла усталой.

– Сантехник, – повторил он. – Чищу засоры во времени.

Имплант в его затылке запульсировал теплом. Максим закрыл глаза и провалился в память Хорхе, как в тёмную воду.

Он открыл глаза в своей реальности.

Белый потолок реанимационного отсека, пахнет озоном и стерилизатором. Где-то гудит вентиляция. Тело ломит, будто после недели на сквозняке, – стандартное последствие долгого пребывания в чужом контейнере.

– Возвращение успешное, – произнёс механический голос над ухом. – Длительность погружения: 72 часа 14 минут субъективного времени. Стабильность петли: 97,3 процента.

Максим приподнялся на локтях. Рядом с капсулой стояла молодая женщина в белом халате – дежурный медик, имени которой он не помнил. Они менялись каждую неделю.

– Воды? – спросила она.

– Кофе, – сказал Максим. – Тройной эспрессо, без сахара. И дайте мне коммуникатор.

Женщина кивнула и исчезла. Максим сел, свесив ноги с капсулы. Пальцы дрожали – тоже норма. Организм отвыкает от чужой биохимии.

Он посмотрел на свои руки. Свои. Не руки Хуана-сантехника с татуировкой якоря. Свои, с тонкими шрамами на костяшках – память о детстве, полном драк и синяков. Интересно, помнит ли сейчас Хуан, что с ним случилось? Обычно контейнеры просыпались с провалом в

памяти на несколько дней. Головная боль, тошнота, чувство, будто жил чужую жизнь. Через неделю проходило. Через месяц они вообще забывали, что что-то было.

Удобно.

Медик вернулась с кофе и планшетом. Максим взял и то и другое. Кофе обжёг горло – горячий, крепкий, именно то, что нужно. На планшете светилось уведомление:

«Операция „Крот“. Статус: выполнено. Материалы изъяты, заказчик уведомлён. Рекомендовано: отдых 48 часов».

Он отставил планшет. Сорок восемь часов. Чёрт, хорошо.

– Максим Андреевич, – голос медика заставил его поднять голову. – Вам ещё нужно подписать отчёт и пройти сканирование коры. Но это можно сделать через час, если хотите отдохнуть.

– Через час, – согласился он.

Тело уже начинало приходить в себя. Дрожь утихала, мышцы переставали ныть. Скоро можно будет встать и пойти в душ, а потом – домой.

Домой.

Мысль о доме всегда действовала на него как наркотик. Тёплая волна разливалась в груди, стоило только представить: запах Лениных духов в прихожей, разбросанные игрушки в коридоре, Алиса, которая обязательно выбежит встречать, повиснет на шее и начнёт тараторить о том, что случилось за день.

– Папа, а ты знаешь, что у белых медведей чёрная кожа?

– Папа, а почему небо голубое?

– Папа, а ты сегодня опять спасал мир?

Максим усмехнулся. Алисе было семь, и она свято верила, что папа работает кем-то вроде супергероя. Мама говорила – просто спасателем в МЧС, но Алиса не верила. Слишком часто папа уходил и приходил не вовремя, слишком странно выглядел после работы, слишком много не мог объяснить.

Однажды она спросила: «Папа, а почему у тебя глаза иногда становятся чужие?»

Он тогда аж поперхнулся чаем.

Лена приписала это детской фантазии. Но Максим запомнил.

– Корсаков, ты живой?

В дверях стоял Стас Ковальчук – напарник, друг, единственный человек в «Хроносе-9», с которым Максим мог быть собой. Стас не пилотировал – у него не было нужных параметров мозга для синхронизации с имплантом. Он был техником, оператором связи, человеком, который держал Максима за ниточку, пока тот болтался в чужих телах в чужих временах.

– Живее всех мёртвых, – отозвался Максим.

Стас подошёл, хлопнул его по плечу. Лицо у него было озабоченное.

– Там тебя руководство ищет. Срочно.

– У меня сорок восемь часов отдыха. Сказали же.

– Сказали. – Стас понизил голос. – Но это другое. Пришёл вызов с самого верха. Прямое распоряжение Совета.

Максим замер с чашкой у губ.

Совет Временного Контроля собирался только для критических миссий. Для тех, где на кону стояли миллионы жизней. Для тех, где ошибка пилота означала не просто провал операции, а нечто гораздо худшее – разрыв ткани реальности, парадокс, который невозможно исправить.

– Что случилось? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Не знаю. – Стас пожал плечами. – Мне не докладывают. Но они вызвали всех свободных пилотов. Ты, Вересаева, Громов. Сказали: через час быть в Зале Собраний.

Максим допил кофе одним глотком. Вкус вдруг стал металлическим.

– Через час так через час.

Он встал, чувствуя, как противно ноют колени – всегдашняя реакция на выход из петли. В душе он всё-таки успеет. И домой позвонит по дороге. Скажет Лене, что задерживается. Скажет Алисе, что привезёт ей тот самый конструктор, который она просила на прошлой неделе.

Но он ещё не знал, что конструктор ей уже не понадобится.

Зал Собраний находился на пять уровней ниже капсульного отсека. Максим спускался в лифте и чувствовал, как с каждым этажом воздух становится тяжелее – герметичные переборки, системы защиты от временных аномалий, свинцовые пластины в стенах. Здесь, в сердце «Хроноса-9», время текло иначе. Часы отставали на семнадцать секунд от официального времени Москвы – кто-то когда-то пошутил, что это плата за возможность прыгать через десятилетия.

В зале уже были люди. Максим узнал Анну Вересаеву – высокую блондинку с холодными глазами, лучшего пилота их поколения. Она сидела в кресле с прямой спиной и смотрела перед собой, не моргая. Рядом с ней переминался с ноги на ногу Илья Громов – молодой, нервный, с вечно взлохмаченными волосами. Илья был талантлив, но слишком эмоционален для этой работы. Максим иногда удивлялся, как его ещё не списали.

– Корсаков, – кивнула Анна.

– Вересаева. Громов. – Максим сел рядом. – Что известно?

– Ничего, – отозвался Илья. – Держат в неведении, как школьников. Сказали – ждать.

Они ждали. Минуту, две, пять. Максим думал об Алисе. Она сейчас в школе – или уже дома? Лена забирает её в три. Интересно, какой у неё сегодня был день? Может, они пекли печенье, как иногда делают по средам? Алиса любит возиться с тестом, вся перемазывается мукой, а потом гордо показывает папе кривые звёздочки и сердечки.

– Товарищи пилоты.

Голос заставил его вздрогнуть. В зал вошёл человек, которого Максим видел только на голограммах, – директор «Хроноса-9» Виктор Сергеевич Рокотов. Седой, подтянутый, с лицом, которое не выражало ничего, кроме абсолютной уверенности в своей правоте. За ним шли трое в штатском – члены Совета, судя по значкам на лацканах.

– Благодарю, что пришли так быстро, – продолжил Рокотов, занимая место во главе стола.

– Ситуация требует немедленного вмешательства.

Он коснулся экрана перед собой, и над столом загорелась голограмма.

Максим знал эту станцию. Её знал каждый – «Эдем-5», крупнейший космический мегаполис на орбите Земли. Сто пятьдесят тысяч постоянных жителей, ещё двести тысяч временных – туристы, учёные, коммерсанты. Собственная экосистема, собственное правительство, собственная валюта. Жемчужина человеческой цивилизации, как любили говорить журналисты.

– Две недели назад, – голос Рокотова стал жёстче, – наша агентурная сеть зафиксировала активность группы «Наследники Земли».

Максим слышал о них. Радикальные экотеррористы, считающие, что человечество должно вернуться на планету и забыть о космосе. Обычно они ограничивались порчей оборудования и пропагандой. Но...

– Они заложили бомбу, – сказал Рокотов, и голограмма сменилась схемой станции. Красная точка пульсировала в самом центре «Эдема» – в районе главного реактора. – Термоядерное устройство. Мощность достаточна, чтобы уничтожить станцию полностью. Время активации – через семнадцать дней по нашему времени. В прошлом, куда вам предстоит отправиться, – через три недели.

В зале повисла тишина.

Триста пятьдесят тысяч человек. Максим вдруг отчётливо представил себе этих людей. Семья из трёх человек в кафе с видом на Землю. Влюблённые, которые кружатся в невесомости в парке развлечений. Учёный, склонившийся над микроскопом в лаборатории. Ребёнок, который держит за руку маму и показывает пальцем на проходящий мимо корабль.

Ребёнок.

– Кто лидер? – спросила Анна. Голос у неё был деловой, без тени эмоций.

– Бывший инженер станции по имени Дмитрий Волков. – Рокотов махнул рукой, и над столом появилось лицо – обычное, непримечательное, с усталыми глазами. – Уволен два года назад за нарушения техники безопасности. Обида переросла в ненависть. Собрал вокруг себя таких же обиженных.

– Мы знаем, где бомба? – спросил Максим.

– Приблизительно. – Рокотов увеличил схему. – Реакторный отсек, уровень семь. Но точное местоположение неизвестно. Бомба замаскирована, возможно, встроена в оборудование. Вам нужно будет внедриться, найти её и обезвредить до того, как Волков активирует детонатор.

Максим смотрел на голограмму и чувствовал, как внутри поднимается холодная волна – та самая, что всегда приходила перед сложным заданием. Смесь адреналина и страха, приправленная профессиональным интересом.

– Контейнеры? – спросил он.

– Подбираем. – Рокотов кивнул одному из своих помощников, и тот вывел на экран новые лица. – У нас есть три кандидата. Первый – техник-ремонтник, работает в том же секторе. Второй – мелкий контрабандист, крутится в тех кругах, где может пересечься с Волковым. Третий – охранник.

Максим изучал лица. Техник – слишком заметно, слишком много народу его знает. Охранник – жёсткий график, сложно будет маневрировать. Контрабандист...

– Этот, – сказал он, указав на второе фото. – Кто он?

– Артём Соколов, тридцать пять лет, – отчитался помощник. – Замешан в мелких махинациях, два раза привлекался за контрабанду запчастей. Имеет связи с криминальным миром станции. Идеальный вариант – он как раз ищет выход на серьёзных людей.

– Почему он?

Максим пожал плечами.

– Лицо. У него лицо человека, которому нечего терять. Такие легче идут на контакт с террористами.

Рокотов одобрительно кивнул.

– Хорошо. Корсаков, ты пойдёшь по этому профилю. Вересаева – техник, подстрахуешь на станции. Громов – охранник, будешь обеспечивать прикрытие. – Он посмотрел на всех троих. – Задание высшей важности. Триста пятьдесят тысяч жизней. Ошибок не прощу.

Максим кивнул. Внутри холодная волна превратилась в лёд.

– Сколько у нас времени на подготовку? – спросила Анна.

– Двадцать четыре часа. Потом прыжок. – Рокотов встал, давая понять, что аудиенция окончена. – Свободны. Детали получите у координаторов.

Они выходили из зала молча. В лифте, поднимаясь вверх, Илья вдруг спросил:

– Вы когда-нибудь думали, что будет, если мы ошибёмся?

– Не думал, – отрезала Анна.

– Думал, – сказал Максим. – Поэтому не ошибаюсь.

Он вышел из лифта первым и направился к выходу. В кармане вибрировал коммуникатор – Лена прислала сообщение: «Ужин в семь. Алиса сделала для тебя рисунок. Не опаздывай».

Максим улыбнулся и набрал ответ: «Постараюсь. Рисунок покажи».

Через секунду пришла фотография. Алиса стояла посреди комнаты, держа в руках лист бумаги, на котором разноцветными фломастерами была изображена космическая станция,

папа в скафандре и маленькая девочка с огромными глазами. Внизу корявыми буквами: «Мой папа спасает мир».

Максим смотрел на рисунок и чувствовал, как лёд внутри тает.

Двадцать четыре часа. Потом прыжок. Потом – три недели в чужой шкуре, среди чужих людей, с одной мыслью: спасти.

Он ещё не знал, что спасение станет проклятием.

Дом находился в старом районе Москвы, который чудом уцелел после реконструкции двадцатых годов. Пятиэтажки из настоящего кирпича, дворы с деревьями, лавочки у подъездов – анахронизм, за который люди платили бешеные деньги. Максим иногда думал, что именно здесь, в этом островке прошлого, он держится за реальность.

Ключ повернулся в замке, дверь открылась, и на него обрушился запах. Запах дома – смесь Лениных духов, Алисиных красок и чего-то вкусного из кухни.

– Папа!

Маленький ураган врзался в ноги, обхватил колени и повис. Максим наклонился, подхватил дочь на руки и закружил, слушая её визгливый смех.

– Папа, ты представляешь, мы сегодня в школе рисовали космос, и я нарисовала тебя!

– Я видел, – сказал Максим, целуя её в макушку. Пахло шампунем и чуть-чуть – пластилином. – Красивый папа. Прямо как настоящий.

– Ты лучше, – серьёзно сказала Алиса и чмокнула его в щёку. – А мама сказала, что ты опять будешь работать и ужинать с нами не будешь?

– Буду. – Максим поставил дочь на пол и начал разуваться. – Сегодня буду.

Из кухни вышла Лена. У неё было то самое выражение лица – смесь радости и тревоги, которое появлялось всегда, когда он возвращался после задания. Она не знала, чем он занимается на самом деле, но догадывалась. Жёны пилотов всегда догадываются.

– Привет, – сказала она просто.

– Привет.

Они поцеловались – коротко, по-семейному. Максим чувствовал, как Лена задержала дыхание на секунду дольше обычного. Проверяла? Искала в нём признаки того, что он снова был не здесь?

– Рисунок видела? – спросила она, отстраняясь.

– Да. Повесим на стену?

– Уже повесили. В гостиной, над твоим креслом.

Алиса схватила его за руку и потащила в комнату. Рисунок действительно висел над креслом – в рамочке, которую они купили специально для таких случаев. Коллекция Алисиных шедевров росла с каждым месяцем.

– Смотри, это ты летишь спасти станцию, а это я машу тебе с Земли, а это мама плачет, потому что волнуется, – тараторила Алиса, тыча пальцем в разноцветные каракули.

– Мама волнуется? – Максим обернулся к Лене, стоявшей в дверях.

– Я не волнуюсь, – сказала Лена. – Я просто переживаю.

Он улыбнулся. Это была их старая шутка.

– А это кто? – спросил он, показывая на странное существо в углу рисунка.

– Это наш робот, – объяснила Алиса. – Только у нас его ещё нет. Но когда-нибудь будет. Я его уже придумала.

– Как назвала?

– Бублик. Он круглый и весёлый.

Максим рассмеялся. Алиса умела рассмешить его, даже когда внутри всё сжималось от предстоящей миссии.

– Идёмте ужинать, – позвала Лена. – А то всё остынет.

За ужином говорили о пустяках. Алиса рассказывала о школе, о подруге Кате, с которой они поссорились, а потом помирились, о том, что учительница по рисованию сказала, что у неё талант. Лена жаловалась на начальника, который опять повесил на неё чужую работу. Максим слушал, кивал, подкладывал себе еду и чувствовал, как внутри разливается тепло.

Это было то, ради чего он возвращался. То, ради чего нырял в чужие тела, жил чужой жизнью, видел чужую смерть. Ради этого стола, этих голосов, этого смеха.

– Пап, а ты завтра дома? – спросила Алиса, когда десерт – её любимое яблочное пюре – был съеден.

Максим помедлил с ответом. Лена перестала жевать и посмотрела на него.

– Завтра, наверное, нет, – сказал он наконец. – Работа.

– Опять? – В голосе Алисы послышалась обида. – Ты всегда работаешь.

– Такой у тебя папа, – Максим потрепал её по голове. – Спасатель.

– Спасатель должен спасать, а не сидеть на работе, – резонно заметила Алиса. – Ты когда последний раз кого-то спасал?

– Сегодня, – сказал Максим, и это была правда. – Спас одного дяденьку.

– От чего?

– От одиночества.

Алиса задумалась. Ей было семь, и она уже понимала, что папа говорит не всё.

– Ладно, – сказала она великодушно. – Тогда спасай. Но когда вернёшься, мы пойдём в парк. Обещаешь?

– Обещаю.

Он поцеловал её на ночь, укрыл одеялом, почитал сказку – старую, про принцессу и дракона, которую Алиса любила с трёх лет. Она засыпала быстро – вырубалась за пять минут, как солдатик. Максим сидел рядом, смотрел на её лицо, на разметавшиеся по подушке волосы, на руку, которая всё ещё сжимала плюшевого зайца, и думал о том, что готов умереть за этот момент.

В гостиной его ждала Лена. Она сидела в кресле с чашкой чая и смотрела на него, когда он вошёл.

– Опять что-то серьёзное? – спросила она без предисловий.

– Да.

– Насколько?

Максим сел напротив. Взял её руку – тёплую, с тонкими пальцами, которые так любила Алиса.

– Если я не справлюсь, погибнут люди. Много людей.

Лена закрыла глаза. На секунду. Потом открыла.

– Ты справишься. Ты всегда справляешься.

– Не всегда.

– Для меня – всегда.

Они помолчали. За окном шумел город – редкие машины, далёкий гул маглевов, чей-то смех. Обычный вечер обычного города.

– Когда? – спросила Лена.

– Завтра утром. На пару недель.

– Опять не позвонишь?

– Не смогу. Ты же знаешь.

Она знала. Она всегда знала больше, чем говорила. Максим иногда думал, что Лена догадывается о его настоящей работе. Или, по крайней мере, подозревает. Но они никогда не говорили об этом прямо. Слишком страшно было произнести вслух.

– Береги себя, – сказала Лена.

– Постараюсь.

Она встала, подошла к нему, села на подлокотник кресла и обняла. Максим уткнулся лицом ей в живот, вдыхая знакомый запах. Ваниль, корица, домашний уют.

– Я тебя люблю, – сказал он в ткань халата.

– Я знаю. – Она гладила его по голове, как ребёнка. – Я тоже.

Они просидели так до полуночи, почти не разговаривая. Просто быть рядом. Просто чувствовать тепло друг друга. Просто запоминать.

Потом была ночь – короткая, тревожная, с пробуждениями каждые два часа. Лена спала, отвернувшись к стене. Максим лежал на спине, смотрел в потолок и думал о завтрашнем дне. О бомбе. О террористах. О трёхстах пятидесяти тысячах человек, которые даже не подозревают, что их жизнь висит на волоске.

И об Алисе. О её смехе. О её рисунках. О том, как она говорит «папа».

Под утро он провалился в сон без сновидений.

Утро было серым и тихим. Максим встал раньше всех, сварил кофе, приготовил завтрак. Когда Лена вышла на кухню, он уже был одет и готов к выходу.

– Не будила Алису? – спросила она.

– Нет. Пусть спит.

– Она расстроится.

– Я знаю. – Максим допил кофе и поставил чашку в мойку. – Передай ей, что я вернусь быстро. И что мы обязательно пойдём в парк.

– Передам.

Они стояли в прихожей, глядя друг на друга. Максим вдруг понял, что не может уйти просто так. Что-то держало его, тянуло назад, в спальню, к дочери.

– Что? – спросила Лена, заметив его колебания.

– Не знаю. – Он покачал головой. – Странное чувство. Как будто...

– Как будто что?

– Как будто прощаюсь.

Лена побледнела.

– Не надо так говорить. Ты вернёшься. Ты всегда возвращаешься.

– Всегда, – согласился Максим. – Это просто нервы.

Он поцеловал её – долго, крепко, как в молодости, когда они ещё не знали, что такое разлука. Потом открыл дверь и вышел, не оглядываясь.

В лифте он прислонился лбом к холодной стене и закрыл глаза. В ушах всё ещё звучал Алисин смех.

Он не знал, что слышит его в последний раз.

Центр управления «Хроноса-9» гудел, как растревоженный улей. Максим прошёл через пост охраны, сдал сетчатку и генетический код, спустился в капсульный отсек. Там уже сутились техники, проверяя оборудование, настраивая импланты, загружая данные.

– Корсаков, – окликнул его Стас. – Иди сюда, познакомлю с твоим контейнером.

Максим подошёл к медицинской капсуле, в которой лежал человек. Настоящий Артём Соколов – контрабандист, чьё тело должно было стать временным домом для Максима. Соколов находился в глубоком медикаментозном сне – так пилоты называли это «консервацией». Через несколько часов его сознание будет отключено, а тело передано под управление Максима.

– Симпатичный, – заметил Стас, кивая на Соколова. – Татухи есть, шрамы есть, биография – огонь. Два раза сидел, три раза бит, один раз стреляли. Идеальный кандидат для внедрения в криминальную среду.

Максим смотрел на лицо контрабандиста. Обычное лицо. Усталое. С мелкими морщинами у глаз и глубокими складками у рта. Человек, который много пил, много врал и много боялся.

– Он согласился? – спросил Максим, хотя знал ответ.

– Ему заплатили. – Стас пожал плечами. – Деньги переведены семье. Через месяц он проснётся с головной болью и счётом в банке. Все счастливы.

– А если он не проснётся?

– Тогда семья получит страховку. Вдвое больше.

Максим отвернулся. Он знал эту статистику. Три процента контейнеров не возвращались. Мозг не выдерживал вторжения, сердце останавливалось, сосуды лопались. Три процента – приемлемые потери, как говорили в Совете.

– Пойдём, – сказал Стас. – Тебя ждут в брифинговой.

Брифинговая была маленькой комнатой с экраном во всю стену и единственным креслом. Максим сел, и экран засветился. Перед ним появилось лицо координатора – женщины лет пятидесяти с жёсткими глазами и короткой стрижкой.

– Максим Корсаков, – начала она без приветствий. – Ваша миссия: внедрение в ячейку «Наследников Земли» на станции «Эдем-5». Временная точка: три недели до взрыва. Задача: найти бомбу, идентифицировать всех членов группы, передать координаты группе захвата. Самостоятельное обезвреживание – только в крайнем случае.

– Понял.

– Контейнер: Артём Соколов, легенда: мелкий контрабандист, ищет крупный заказ. Вы будете внедряться через его связи – у него есть знакомый в группировке, некий Кротов, который уже работает на террористов. Кротов должен вывести вас на Волкова.

На экране появилось лицо – небритое, с хитрыми глазами.

– Кротов – скользкий тип, – продолжила координатор. – Будьте осторожны. Он может вас сдать, если почувствует угрозу. Но пока что он думает, что вы просто перекупщик запчастей.

Максим кивнул, запоминая.

– Временное окно: двадцать один день субъективного времени. После обезвреживания бомбы вы должны будете вернуться в точку сбора – технический отсек 7-Б, где мы активируем обратный прыжок. Если что-то пойдёт не так – у вас есть аварийный код. Но предупреждаю: аварийный прыжок сжигает контейнер. Соколов умрёт.

– Я понял.

– Вопросы?

Максим помолчал, обдумывая.

– Что насчёт жертв? – спросил он наконец. – Если придётся кого-то убрать, чтобы сохранить легенду?

Координатор замаялась на секунду. Всего на секунду.

– Действуйте по обстановке. Но помните: приоритет – обезвреживание бомбы. Триста пятьдесят тысяч жизней важнее нескольких.

– Важнее, – повторил Максим.

– Именно. – Координатор смотрела на него в упор. – Вы не в первый раз, Корсаков. Вы знаете правила.

Он знал. Он знал их слишком хорошо.

– Готовьтесь к погружению, – сказала координатор, и экран погас.

В капсульном отсеке было холодно – техники любили низкие температуры для стабилизации нейроинтерфейса. Максим разделся до пояса и лёг в кресло подготовки. Медик – та самая женщина, что давала ему кофе вчера, – прикрепила датчики к вискам, проверила имплант в затылке.

– Имплант в норме, – сказала она. – Синхронизация с контейнером – девяносто восемь процентов. Готовы?

– Готов.

– Тогда закрывайте глаза и расслабьтесь. Погружение начнётся через три минуты.

Максим закрыл глаза. В темноте поплыли пятна – первые признаки активации импланта. Где-то далеко гудели механизмы, пахло озоном и стерилизатором.

Он думал об Алисе. О том, как она проснётся через час, не найдёт его и расстроится. О том, как Лена будет её утешать, говорить, что папа скоро вернётся. О том, что через три недели он будет дома, обнимет их обеих, и всё будет хорошо.

– Погружение через десять секунд. Девять. Восемь. Семь.

Он представил лицо дочери. Её улыбку. Её смешные косички.

– Шесть. Пять. Четыре.

«Папа, ты где?»

– Три. Два. Один.

«Я скоро, малышка. Я всегда возвращаюсь».

– Прыжок.

Мир взорвался белым светом, и Максим провалился в темноту, которая пахла чужим потом, дешёвым табаком и страхом.

Он стал Артёмом Соколовым.

Глава 1. Точка бифуркации

Просыпаться в чужом теле всегда было похоже на утопление.

Сначала темнота – абсолютная, вязкая, без единого проблеска. Потом – звуки. Они приходят первыми: гул вентиляции, далёкий стук механизмов, чьи-то шаги за стеной. Потом – запахи. И вот здесь начинается самое трудное, потому что чужое тело пахнет иначе. У каждого человека свой запах – смесь пота, кожи, запах съеденной накануне еды, выкуренной сигареты, выпитого алкоголя. Максим ненавидел этот момент – когда нос Артёма Соколова вдыхал воздух, и мозг Максима Корсакова интерпретировал этот запах как чужой, неправильный, отталкивающий.

Последними приходят ощущения. Пальцы. Ступни. Спина. Суставы. Каждый сустав, каждая мышца напоминают о себе тупой болью – тело контрабандиста было изношенным, как старая мебель. Колени ныли. Поясница ныла. Шея затекла – Соколов спал на дешёвом матрасе, который продавали в переходе между секторами за сто пятьдесят кредитов.

Максим открыл глаза.

Потолок был серым, с тёмными разводами плесени в углах. Где-то капала вода – ритмично, раз в три секунды. Комната была маленькой – метров восемь, не больше. Обстановка: койка, стол, стул, шкаф. На столе – пустая бутылка из-под дешёвого виски, пепельница, полная окурков, и коммуникатор с треснутым экраном.

Воспоминания Соколова накатывали волнами. Максим не любил этот процесс – когда чужая жизнь вливается в твоё сознание, как нефть в воду, не смешиваясь, но застилая всё вокруг чёрной плёнкой. Детство в портовом секторе. Отец, который пил и бил. Мать, которая умерла, когда Артёму было двенадцать. Первая кража в четырнадцать. Первая тюрьма в девятнадцать. Женщины – много, ни одной серьёзно. Друзья – такие же шестёрки, как и он сам. Мечты – никаких, кроме одной: свалить с этой станции куда-нибудь, где можно дышать.

Станция называлась «Эдем-5». В документах – «крупнейший космический мегаполис на орбите Земли». Для Соколова это была просто большая клетка, в которой он родился, вырос и, скорее всего, должен был умереть. Он никогда не спускался на планету. Никогда не видел настоящего неба, настоящего солнца, настоящего дождя. Только искусственное освещение, только синтезированный воздух, только металл и пластик.

Максим сел на койке и потёр лицо ладонями. Ладони были грубыми, с мозолями от работы с инструментами. Под ногтями – чёрная кайма. Соколов не слишком заботился о гигиене.

– Доброе утро, – сказал Максим вслух, пробуя голос.

Голос был ниже, чем у него, с хрипотцой от курения. Во рту – мерзкий привкус перегара. Соколов вчера напился – память услужливо подкинула картинку: бар в третьем секторе, дешёвое пойло, разговор с каким-то мужиком о партии краденых микросхем.

Максим встал. Тело слушалось с задержкой – каждый шаг отдавался в пояснице болью. Он доковылял до маленького умывальника в углу, открыл воду. Холодная, ржавая с утра – стандарт для дешёвых кают. Плеснул в лицо, посмотрел в зеркало.

Из зеркала на него смотрел Артём Соколов. Тридцать пять лет. Небритая физиономия с глубокими морщинами у рта. Тёмные круги под глазами – хроническое недосыпание и алкоголь. Шрам на левой брови – память о драке в порту пять лет назад. Татуировка на шее – якорь и надпись «Свобода», которую Соколов набил в пьяном угаре и теперь стеснялся.

Максим привык к этому за семь лет. Но каждый раз, когда он видел в зеркале чужое лицо, внутри что-то сжималось.

– Работа, – сказал он себе. – Просто работа.

Он оделся – дешёвый комбинезон, куртка с порванным рукавом, ботинки со стоптанными каблуками. Проверил карманы. В левом – горсть мелочи, смятая пачка сигарет, зажигалка. В правом – коммуникатор с треснутым экраном и пластиковая карточка, на которой оставалось сорок три кредита.

Сорок три кредита. На станции, где чашка кофе стоила двадцать, это означало, что Соколов был практически на мели. И это объясняло, почему он согласился на встречу, которая должна была состояться сегодня.

Максим вызвал в памяти данные миссии. Встреча с Кротовым, 10:00 по станционному времени, бар «У Тони» в четвёртом секторе. Кротов – мелкий жулик, который последние месяцы крутился вокруг «Наследников Земли». По данным разведки, он должен был вывести Соколова на Волкова – лидера террористов.

Оставалось два часа.

Максим посмотрел на свои новые руки. Чужие руки. Руки человека, который через три недели должен был либо проснуться с деньгами в банке, либо не проснуться вообще.

– Извини, Артём, – сказал он тихо. – Но у меня там дочь.

Он вышел из каюты в длинный коридор, освещённый тусклыми лампами дневного света.

Станция «Эдем-5» была чудом инженерной мысли. Огромное колесо диаметром три километра, медленно вращающееся вокруг центральной оси, создавало искусственную гравитацию на внешних уровнях. Внутренние уровни, ближе к оси, были зонами невесомости – там располагались склады, промышленные зоны и трущобы, где селились те, кто не мог платить за комфорт.

Четвёртый сектор, куда направлялся Максим, находился где-то посередине – достаточно далеко от туристических зон, чтобы быть дешёвым, но достаточно близко, чтобы не превратиться в полное гетто. Здесь жили рабочие, мелкие служащие, всяческий криминальный элемент и те, кто просто не вписался в гламурную жизнь верхних уровней.

Коридоры постепенно расширялись, превращаясь в галереи с магазинчиками, забегаловками и ларьками. Пахло жареной едой, дешёвыми духами и ещё чем-то кислым – то ли от неисправной вентиляции, то ли от самой станции, которая медленно старела вместе с её обитателями.

Максим шёл, вживаясь в тело. С каждым шагом он чувствовал себя всё более уверенно. Это было как настраивать музыкальный инструмент – постепенно, шаг за шагом, пока звук не станет чистым. Он учился двигаться как Соколов – чуть сутулясь, чуть шаркая ногами, с лёгкой раскачкой, которая выдавала человека, привыкшего к долгому стоянию на ногах.

– Эй, Сокол! – окликнул его кто-то сзади.

Максим обернулся. К нему подходил мужик лет сорока в промасленной робе – из тех, кто работает в машинном отделении. Лицо показалось смутно знакомым – память Соколова подсказала: Вадик, механик, должен пятьдесят кредитов с прошлого месяца.

– Здорово, – сказал Максим, копируя интонации Соколова.

– Ты чего такой кислый? – Вадик подошёл ближе,дохнул перегаром – с утра уже успел.
– Башка трещит?

– Типа того.

– А я тебе говорил – не мешай бормотуху с синте-пивом. – Вадик хлопнул его по плечу.
– Слышь, когда долг отдашь? Мне самому зажать.

– На днях, – пообещал Максим. – Жди.

Вадик посмотрел с сомнением, но спорить не стал – махнул рукой и пошёл дальше.

Максим двинулся к четвёртому сектору. Чем дальше, тем больше народу появлялось на галереях – начиналась утренняя смена. Рабочие в синих комбинезонах, официантки в униформах местных забегаловок, охранники с дубинками на поясах. Обычная жизнь обычной стан-

ции, где триста пятьдесят тысяч человек даже не подозревали, что через три недели всё может превратиться в пыль.

Бар «У Тони» находился в тупике, за которым начиналась промышленная зона. Место было не для туристов – тёмное, прокуренное, с липкими столами и стойкой, за которой стоял сам Тони – огромный лысый мужик с татуировками на руках и равнодушным взглядом.

Кротов уже был там. Сидел в углу, пил пиво и нервно крутил в пальцах зажигалку. Увидев Максима, он дёрнулся, но быстро взял себя в руки.

– Артём, садись, – сказал он, когда Максим подошёл. – Заказывай.

Максим сел напротив. Заказал кофе – Соколов предпочёл бы пиво, но Максиму нужна была ясная голова.

– Ну? – спросил он, когда официантка принесла заказ. – Что за дело?

Кротов оглянулся – жест чисто рефлексный, в баре никого, кроме них, не было.

– Дело серьёзное, – сказал он вполголоса. – Крупняк. Если провернём – на всю жизнь хватит.

– Мне впаривают так каждый раз.

– В этот раз не впаривают. – Кротов наклонился ближе. – Ты слышал про «Наследников»?

Максим сделал вид, что задумался.

– Которые против станции воюют?

– Они самые. – Кротов понизил голос до шёпота. – У них работа есть. Им нужен человек, который может достать оборудование. Хорошее оборудование, с допусками. Ты в теме?

– В теме. – Максим отхлебнул кофе – паршивый, пережжённый. – А что именно надо?

– Не здесь, – Кротов покачал головой. – Потом. Если согласен, я сведу тебя с нужным человеком. Завтра.

Максим помолчал, делая вид, что раздумывает. Память Соколова подсказывала: Кротов – скользкий тип, может и подставить. Но Соколов был в отчаянном положении – сорок три кредита на карте не оставляли выбора.

– Риск какой? – спросил Максим.

– Обычный. – Кротов пожал плечами. – Ну, могут посадить. Или убить. Но если не поймают – озолотишься.

– Оптимист ты, Крот.

– Реалист. – Кротов допил пиво одним глотком. – Так что? Согласен?

Максим сделал паузу. Семь секунд – ровно столько, сколько нужно, чтобы не выглядеть слишком заинтересованным.

– Согласен, – сказал он наконец.

Кротов кивнул, достал из кармана смятый листок, протянул Максиму.

– Завтра, 20:00, склад 47 в промышленной зоне. Придешь один. Если приведешь хвост – убьют обоих.

Максим взял листок. На нём было написано только: «47/пром. 20:00».

– Я приду, – сказал он.

– Смотри. – Кротов встал, бросил на стол несколько мятых купюр. – Я за пиво заплатил. Ты за кофе сам.

И вышел, не оглядываясь.

Максим остался сидеть, допивая остывший кофе. Первый контакт состоялся. Теперь оставалось ждать.

Он смотрел на свои чужие руки и думал об Алисе. О том, что через три недели всё это закончится. Он вернётся домой, обнимет её, и они пойдут в парк. Обязательно пойдут.

Он ещё не знал, что парка не будет.

Оставшийся день Максим потратил на то, чтобы изучить территорию.

Он бродил по станции, запоминая коридоры, переходы, запасные выходы, расположение камер наблюдения. Память Соколова помогала – контрабандист знал «Эдем» как свои пять пальцев, все тёмные углы, все дыры в системе безопасности, всех ментов, которых стоило обходить стороной.

К вечеру Максим вернулся в каюту, лёг на скрипучую койку и закрыл глаза. Нужно было связаться с координатором – передать информацию о первой встрече.

Связь осуществлялась через имплант – крошечное устройство в затылке, которое работало на квантовой запутанности с базой в будущем. Максим сосредоточился, представил интерфейс, и перед внутренним взором загорелась голограмма.

Координатор: Статус?

Максим: Контакт с Кротовым установлен. Завтра встреча со старшим.

Координатор: Отлично. Внедряйся глубже. Нам нужны имена, местонахождение бомбы, схема активации.

Максим: Понял.

Координатор: Будь осторожен. По нашим данным, Волков параноидален. Он проверяет всех новичков.

Максим: Я справлюсь.

Координатор: Знаю. Конец связи.

Голограмма погасла. Максим открыл глаза и уставился в потолок с плесенью.

В соседней каюте кто-то громко ссорился – мужчина и женщина, слова были неразборчивы, но интонации узнаваемые. Злость, усталость, безнадёжность. Через минуту хлопнула дверь, и всё стихло.

Максим вспомнил Лену. Они редко ссорились. Да и некогда было – он слишком часто отсутствовал. Когда возвращался, хотелось только мира и тишины. Иногда он думал, что это неправильно – что настоящая семья должна проходить через ссоры и примирения, через бурные выяснения отношений и страстные воссоединения. У них было тихо. Слишком тихо. Как будто они оба боялись спугнуть то небольшое, что у них было после всех потерь.

Алиса была их громом. Их ураганом. Их доказательством того, что они ещё живые.

Максим закрыл глаза и провалился в сон без сновидений – организм Соколова требовал отдыха после вчерашней пьянки.

Следующий день тянулся бесконечно.

Максим снова бродил по станции, на этот раз приближаясь к промышленной зоне. Склад 47 находился в самом сердце этого лабиринта из металла и пластика – огромное помещение, заставленное ящиками, контейнерами, запчастями. Вокруг сновали рабочие, гудели погрузчики, пахло маслом и потом.

В 19:30 Максим занял позицию в кафе напротив входа. Заказал ещё один отвратительный кофе и стал ждать.

В 19:45 к складу подъехал фургон. Из него вышли трое. Максим узнал Кротова. Рядом с ним – высокий мужчина в чёрном комбинезоне, с короткой стрижкой и жёстким лицом. Третий остался в машине.

В 19:58 Максим расплатился и направился к складу.

Дверь была приоткрыта. Он вошёл внутрь.

Внутри пахло металлом и чем-то ещё – химией, которой обрабатывают детали. Свет горел только в дальнем углу, где на ящиках сидели Кротов и незнакомец.

– Пришёл, – сказал Кротов, вставая. – Знакомься, это Сергей. Он тут главный по закупкам.

Сергей не встал. Он смотрел на Максима тяжёлым взглядом человека, который привык оценивать других с первого взгляда и ошибаться редко.

- Артём Соколов, – сказал он. – Слышал о тебе.
- Хорошее или плохое? – спросил Максим, стараясь держаться свободно.
- Разное. – Сергей кивнул на ящик напротив. – Садись. Поговорим.

Максим сел. Сергей достал из кармана плоскую фляжку, отхлебнул, протянул Максиму. Тот отказался – вежливо, но твёрдо.

- Не пью на работе.
- Умно. – Сергей убрал фляжку. – Крот говорит, ты можешь достать оборудование. Специфическое. С допусками высшего уровня.
- Могу, – сказал Максим. – Вопрос цены и риска.
- Риск стандартный. Цена – договоримся. – Сергей наклонился вперёд. – Но сначала мне нужно знать, кто ты и на что способен. Расскажи о себе.

Максим начал рассказывать. Память Соколова услужливо подкидывала детали – биографию, связи, тюремные сроки, удачные и неудачные сделки. Сергей слушал внимательно, иногда задавал вопросы – мелкие, детальные, проверяющие. Максим отвечал не задумываясь – память контейнера хранила всё.

Через полчаса Сергей кивнул.

– Ладно, похоже на правду. – Он встал, прошёлся между ящиками. – Слушай сюда. Нам нужны три вещи. Квантовые стабилизаторы, охлаждающие элементы для реакторной установки и доступ к системе аварийного отключения энергоснабжения в секторе семь.

Максим внутренне напрягся. Сектор семь – это район главного реактора. Именно там, по данным разведки, находилась бомба.

– Стабилизаторы и охлаждение достану, – сказал он ровно. – Доступ к аварийке – сложнее. Там нужны коды и допуски.

– Знаю. – Сергей остановился, посмотрел на него в упор. – Поэтому мы тебе поможем. У нас есть человек в энергослужбе. Он даст коды, ты занесёшь оборудование.

– Зачем вам это? – спросил Максим, изображая естественное любопытство. – Что вы строите?

– Не твоё дело. – Голос Сергея стал жёстче. – Ты получаешь заказ, выполняешь, получаешь деньги. Вопросы не задаёшь. Понял?

– Понял.

– Хорошо. – Сергей вернулся на место, достал из кармана коммуникатор. – Первая партия нужна через три дня. Стабилизаторы, двадцать штук. Справишься?

– Справлюсь.

– Цена – пять тысяч за штуку. Половина предоплатой, половина после получения.

Максим кивнул. Пять тысяч за стабилизатор – втридорога. Но Соколову было плевать – он не собирался их реально доставать. Он собирался внедряться дальше.

– Договорились.

Сергей протянул руку. Максим пожал – ладонь была сухой и жёсткой, как наждак.

– Крот проводит тебя к выходу. – Сергей уже смотрел в коммуникатор, потеряв интерес. – Завтра в это же время здесь же получишь предоплату и детали.

Максим встал, кивнул и вышел вслед за Кротовым.

На улице Кротов закурил, протянул пачку Максиму. Тот опять отказался.

– Зря не куришь, – сказал Кротов. – Нервы успокаивает.

– У меня нервы в порядке.

– Ну-ну. – Кротов выпустил струю дыма. – Слушай, Артём. Ты мужик вроде нормальный. Поэтому скажу тебе: с этими ребятами будь осторожен. Они не шутят. Я одного знал, который с ними работать пытался. Исчез.

– Куда исчез?

– В переработку. – Кротов чиркнул пальцем по горлу. – Так что смотри. Деньги деньгами, а жизнь одна.

– Спасибо за совет, – сказал Максим.

Они разошлись в разные стороны. Максим побрёл к своей каюте, чувствуя спиной взгляд Кротова – тот стоял и курил, глядя ему вслед.

Вечером, лёжа на койке, Максим снова связался с координатором.

Максим: Контакт состоялся. Имя – Сергей. Вероятно, правая рука Волкова. Задача – достать стабилизаторы и доступ к аварийке сектора семь.

Координатор: Сектор семь – это реактор. Бомба там.

Максим: Знаю. Попробую выйти на Волкова через Сергея.

Координатор: Хорошо. Работай. И помни – у нас девятнадцать дней до взрыва.

Максим: Помню.

Связь прервалась. Максим лежал в темноте и слушал, как капает вода где-то в стене. Кап. Кап. Кап.

Три недели. Потом домой.

Он закрыл глаза и провалился в сон, в котором Алиса рисовала космос, а он смотрел на неё и не мог насмотреться.

Три дня пролетели как в тумане.

Максим занимался тем, чем должен был заниматься Соколов – искал каналы, договаривался с поставщиками, перегонял кредиты, делал вид, что работает. На самом деле стабилизаторы у него уже были – операция предусматривала, что первая партия будет предоставлена службой безопасности «Хроноса», замаскированная под ворованное оборудование.

На третий день он пришёл на склад с грузовым контейнером. Сергей уже ждал – один, без Кротова.

– Принёс? – спросил он без приветствий.

– Двадцать штук. – Максим поставил контейнер на пол, открыл. Внутри ровными рядами лежали стабилизаторы – аккуратные серебристые цилиндры с маркировкой завода.

Сергей осмотрел каждый, проверил маркировку, включил тестер. Удовлетворённо кивнул.

– Работает. – Он достал из кармана толстую пачку кредиток. – Твоя половина. Вторая – когда сдашь охлаждение и доступ.

Максим взял деньги, не пересчитывая. Соколов бы пересчитал, но Максим хотел показать, что доверяет.

– Когда нужно охлаждение?

– Через неделю. Но сначала – доступ. – Сергей убрал стабилизаторы в сейф, запер. – Завтра в 22:00 придёшь сюда. Познакомлю с нашим человечком из энергослужбы. Он даст коды и схему.

– Договорились.

– И ещё, Артём. – Сергей посмотрел на него долгим взглядом. – Ты молодец, сработал чисто. Если так пойдёт дальше, может, познакомлю тебя с главным.

Максим внутренне напрягся.

– С главным?

– С Волковым. – Сергей усмехнулся. – Слышал, небось?

– Слышал.

– Ну и хорошо. Он сам решает, кто с ним работает. – Сергей протянул руку. – До завтра.

Максим пожал руку и вышел.

На улице он позволил себе улыбнуться. Волков. Через несколько дней он увидит Волкова живую. Это было ближе, чем он рассчитывал.

В каюте он связался с координатором и передал новости.

Координатор: Отлично. Выходишь на финишную прямую. Но будь осторожен – Волков опасен. Он не просто параноик, он психопат. Чувствует ложь за километр.

Максим: Я справлюсь.

Координатор: Знаю. Конец связи.

Максим отключился и лёг спать. Ему снилась Алиса. Она стояла на краю обрыва и смотрела вниз, а он не мог подойти – ноги приросли к земле. Он кричал, но она не слышала. Потом обрыв осыпался, и она упала.

Он проснулся в холодном поту.

Сердце колотилось как бешеное. В стене всё так же капала вода. Кап. Кап. Кап.

Максим сел на койке и обхватил голову руками.

– Это просто сон, – сказал он вслух. – Просто сон.

Но внутри уже поселился холод. Холод, который не проходил.

Встреча с человеком из энергослужбы состоялась, как и было назначено – в 22:00 на складе 47.

Мужчину звали Виктор Петрович. Ему было под шестьдесят, седые волосы, усталые глаза, руки с вьёвшейся грязью – типичный инженер старой школы, который всю жизнь проработал на станции и теперь доживал свой век, мечтая о пенсии, которой никогда не будет.

Он смотрел на Максима с плохо скрываемой неприязнью.

– Значит, ты тот самый контрабандист, – сказал он вместо приветствия.

– Я тот самый, – подтвердил Максим.

– И тебе нужны коды доступа к аварийной системе седьмого сектора?

– Нужны.

Виктор Петрович покачал головой.

– Ты хоть понимаешь, что это за система? Она отключает энергоснабжение всего сектора. Если случится авария, люди погибнут.

– Не случится, – вмешался Сергей, стоявший рядом. – Это для профилактических работ. Начальство хочет проверить систему на случай реальной угрозы.

Враньё было настолько топорным, что Максим удивился, как Виктор Петрович в него поверил. Но инженер, видимо, либо был в курсе настоящих планов, либо просто закрывал глаза на правду ради денег.

– Ладно, – сказал он устало. – Вот коды. – Он протянул Максиму запечатанный конверт. – Там схема доступа, пароли, временные окна, когда система наименее защищена. Используй с умом.

Максим взял конверт.

– Сколько?

– Пять тысяч. – Виктор Петрович отвернулся, не глядя на деньги. – И запомни: ты меня не видел. Я тебя не знаю.

Сергей отсчитал купюры, инженер сунул их в карман и вышел, не прощаясь.

– Полезный человек, – заметил Максим.

– Самый полезный, – согласился Сергей. – И самый дорогой. Но оно того стоит.

Максим убрал конверт во внутренний карман.

– Когда нужно охлаждение?

– Через четыре дня. Принесёшь сюда же.

– Договорились.

Они разошлись. Максим вернулся в каюту, вскрыл конверт и изучил содержимое. Схема была подробной – все входы и выходы в сектор семь, расположение постов охраны, время смены патрулей, коды доступа к аварийному щиту.

Всё это нужно было передать координатору. Но не сейчас. Сейчас Максим хотел одного – спать.

Он лёг, но сон не шёл. Мысли крутились вокруг одного: слишком легко. Слишком гладко. Кротов вышел на него. Сергей принял без проверки. Коды дали почти сразу. Что-то здесь было не так.

Он вспомнил слова координатора: «Волков параноидален». Он проверяет всех новичков.

А если это проверка? Если вся эта операция с доступом – просто тест, чтобы посмотреть, как поведёт себя Соколов?

Максим сел на койке. Включил свет. Достал конверт и ещё раз внимательно изучил схему. И увидел.

В углу, почти незаметная, стояла маленькая пометка – номер какого-то документа. Максим напряг память Соколова. Контрабандист знал систему маркировки на станции. Этот номер означал, что документ зарегистрирован в центральном архиве.

Зарегистрирован.

Значит, это не настоящие коды. Это ловушка. Если Максим попытается их использовать, система зафиксирует попытку доступа, и Волков узнает, что Соколов – не просто контрабандист, а кто-то, кому нужен именно сектор семь.

Максим усмехнулся. Хорошая проверка. Очень хорошая.

Он погасил свет и лёг обратно. Теперь он знал, как играть дальше.

Четыре дня он делал вид, что работает над заказом охлаждения. На самом деле он искал информацию о Волкове – настоящую, не ту, что дали в «Хроносе».

Память Соколова помогала. Контрабандист знал много людей в низовых слоях станции – там, где не смотрят новости и не читают официальных сводок. Там, где живут слухами и сплетнями.

Из этих слухов складывался портрет.

Дмитрий Волков был не просто обиженным инженером. Он был фанатиком. Верил, что человечество совершило ошибку, уйдя в космос. Верил, что Земля – единственный дом человека, и всё, что построено вне её, должно быть уничтожено. Верил настолько сильно, что готов был убивать.

Но был в этих слухах и другой Волков. Тот, который помогал своим. Тот, который вытаскивал людей из тюрем, давал работу, кормил семьи. Тот, которому верили и за которым шли.

Максим знал этот тип. Идеалисты с манией величия – самые опасные люди на свете. Они не торгуются. Они не идут на компромиссы. Они готовы умереть сами и убить других ради своей правды.

С такими трудно. С такими нельзя играть в открытую.

На четвёртый день Максим принёс охлаждающие элементы на склад. Сергей проверил, кивнул, отсчитал вторую половину за стабилизаторы и полностью за охлаждение.

– Волков хочет тебя видеть, – сказал он между делом. – Завтра, 20:00, здесь же. Придёшь один. Если приведёшь хвост – сам знаешь.

– Знаю, – сказал Максим.

Внутри всё пело. Наконец-то.

Волков пришёл ровно в 20:00.

Он был не таким, как на голограмме из досье. Живой человек всегда отличается от картинки. Волков оказался выше, чем на фото, и худее. Лицо – осунувшееся, с глубокими тенями под глазами. Но глаза... глаза горели. В них был огонь, который не гасят ни годы, ни разочарования.

Он сел напротив Максима, сложил руки на коленях и долго смотрел молча.

– Артём Соколов, – сказал он наконец. Голос был низким, спокойным. – Контрабандист. Два срока. Работаешь на себя.

– Работаю, – подтвердил Максим.

– Зачем тебе это? – Волков кивнул на ящики с оборудованием. – Риск большой. Деньги не такие уж большие. Что движет тобой?

– А что движет вами? – в тон ответил Максим.

Волков усмехнулся.

– Смелый. – Он покачал головой. – Я задал вопрос.

– Я ответил вопросом. – Максим выдержал взгляд. – Вы хотите знать, почему я здесь. Я хочу знать, почему вы здесь. Каждый имеет право.

Волков молчал долго. Минуту, две. Потом кивнул.

– Хорошо. Я скажу. – Он подался вперёд. – Я здесь потому, что этот... этот муравейник нужно уничтожить. Потому что человечество забыло, кто оно есть. Потому что мы ушли от Земли, как дети, которые убежали из дома и думают, что сами справятся. А они не справятся. Никто не справляется без дома.

– И вы хотите вернуть их? Убив?

– Я хочу дать им шанс. – В глазах Волкова вспыхнул огонь. – Иногда, чтобы спасти, нужно разрушить. Иногда люди понимают только тогда, когда теряют всё.

Максим кивнул, изображая понимание. Внутри он считал пульс – ровный, спокойный. Волков был безумен, но безумен последовательно. С ним можно было разговаривать.

– А ты? – Волков снова посмотрел на него в упор. – Ты веришь во что-нибудь, Артём?

– Я верю в деньги, – сказал Максим, вживаясь в роль.

– Этого мало. – Волков покачал головой. – Деньги – это бумага. Они сгорают. Люди умирают. Станции падают. А вера остаётся.

– У меня нет веры.

– Есть. – Волков улыбнулся – странно, почти ласково. – Она есть у каждого. Просто не все знают, как она называется. Ты, например, веришь в себя. В то, что выживешь. В то, что справишься. Это тоже вера.

Максим промолчал.

– Ладно, – Волков встал. – Я решил. Ты будешь работать с нами. Не просто как поставщик – как свой. Сергей введёт тебя в курс. Если справишься – будешь с нами до конца.

– До какого конца?

Волков посмотрел на него долгим взглядом.

– Увидишь.

Он вышел, не прощаясь. Сергей, стоявший в углу, подошёл к Максиму и хлопнул по плечу.

– Поздравляю. Редко он так быстро принимает.

– Повезло, – сказал Максим.

– Не повезло, – поправил Сергей. – Он в тебе что-то увидел. Не знаю что, но увидел.

Максим кивнул. Он знал что. Волков увидел в нём пустоту. Ту самую пустоту, которую носят в себе люди, потерявшие всё. Соколов был пуст – у него не было ни семьи, ни друзей, ни цели. Только деньги, которые он тратил на выпивку и дешёвых женщин.

Идеальный материал для вербовки.

– Завтра в 10 утра приходи сюда, – сказал Сергей. – Познакомлю с остальными. Будет вводяная.

– Буду.

Максим вышел со склада и пошёл в каюту. По дороге он завернул в круглосуточный магазин, купил бутылку дешёвого виски – Соколов должен был отметить успех.

В каюте он открыл бутылку, налил в пластиковый стакан и вылил содержимое в раковину. Запах поплыл по комнате – приторный, химический. Максим сел на койку и закрыл глаза.

Волков. Он видел Волкова вживую. Через несколько дней он узнает, где бомба. А потом передаст координаты группе захвата.

Всё шло по плану.

Он связался с координатором.

Максим: Контакт с Волковым состоялся. Принят в группу. Завтра вводная.

Координатор: Отлично. У тебя две недели. Не спеши, но и не тяни.

Максим: Понял.

Связь прервалась. Максим лёг и уставился в потолок.

В соседней каюте опять ссорились. Те же голоса, та же злость, та же безнадёжность.

Максим закрыл глаза и провалился в сон. Ему снилась Алиса. Она сидела на полу и рисовала, а он смотрел на неё и не мог насмотреться.

Проснулся он от собственного крика.

Утро было серым – на станции никогда не бывало иначе.

Максим умылся, побрился – в зеркале на него смотрел почти приличный человек. Соколов редко брился, но сегодня был особый день.

В 9:45 он уже был у склада. Сергей ждал у входа, курил, глядя куда-то в пустоту.

– Пошли, – сказал он, увидев Максима. – Народ уже собрался.

Внутри склада, в том же углу, где проходили предыдущие встречи, сидели несколько человек. Максим насчитал пятерых – трое мужчин, две женщины. Все разные – от молодого парня в модной куртке до пожилой женщины в рабочем комбинезоне.

– Знакомьтесь, – сказал Сергей, подводя Максима. – Это Артём. Новый. Будет работать с нами.

Люди смотрели на него с любопытством и настороженностью.

– Садись, – Сергей указал на ящик. – Сейчас придёт Дмитрий, всё объяснит.

Волков появился через пять минут. Выглядел он так же – усталый, горящий, сосредоточенный.

– Все в сборе, – сказал он, обводя взглядом присутствующих. – Хорошо. Начнём.

Он достал из кармана небольшое устройство – проектор. В воздухе загорелась голограмма станции.

– Вы знаете, зачем мы здесь, – начал Волков. – Вы знаете, что мы хотим сделать. Но сегодня я скажу вам главное. То, что скрывал до сих пор.

Он увеличил голограмму, показав сектор семь – район главного реактора.

– Здесь, – он ткнул пальцем в пульсирующую точку, – будет наш удар. Термоядерное устройство, замаскированное в системе охлаждения. Когда оно сработает, станция разрушится полностью.

Максим смотрел на точку. Вот оно. Местоположение бомбы.

– Но чтобы оно сработало, – продолжил Волков, – нам нужно отключить аварийную систему охлаждения. Иначе взрыв погасит. Для этого нужны коды доступа, которые мы... получили.

Он посмотрел на Максима.

– Артём помог нам с оборудованием и кодами. Теперь осталось последнее: установить устройство и активировать его.

– Когда? – спросил молодой парень в модной куртке.

– Через одиннадцать дней. – Волков обвёл всех взглядом. – У нас есть одиннадцать дней, чтобы всё подготовить. Потом – конец.

В комнате повисла тишина.

Максим смотрел на лица этих людей. В их глазах не было страха. Только решимость. Они действительно верили, что делают правильное дело.

– Вопросы? – спросил Волков.

Вопросов не было.

– Тогда работаем. – Волков выключил проектор. – Сергей, раздай задания.

Люди начали расходиться. Максим подошёл к Сергею.

– Моё задание?

– Твоё – сидеть тихо и ждать. – Сергей усмехнулся. – Ты своё уже сделал. Дальше работают другие.

Максим кивнул, но внутри похолодел. Если его отстранят от финальной стадии, он не сможет точно определить местоположение бомбы.

– Я могу помочь с установкой, – предложил он. – У меня руки из того места растут.

– Не надо. – Сергей покачал головой. – Волков сказал – ты на подстраховке. Будешь сидеть в норе и ждать сигнала. Если что-то пойдёт не так – прикрываешь отход.

Максим понял. Его проверяли до последнего. Даже сейчас, когда он уже был «своим», ему не доверяли до конца.

– Ладно, – сказал он. – Буду ждать.

– Вот и славно. – Сергей хлопнул его по плечу. – Иди отдыхай. Завтра свяжусь.

Максим вышел со склада и пошёл по коридору. В голове крутились цифры – одиннадцать дней. У него было одиннадцать дней, чтобы найти точное местоположение бомбы и передать координаты.

Он завернул в кафе, заказал кофе и сел в углу. Достал коммуникатор, сделал вид, что читает новости. На самом деле он активировал имплант.

Максим: Бомба в секторе семь, в системе охлаждения реактора. Точное место неизвестно. Волков отстранил меня от установки. Буду искать сам.

Координатор: Понял. У тебя одиннадцать дней. Найди точку. И будь осторожен – Волков не дурак.

Максим: Знаю.

Связь прервалась. Максим допил кофе и вышел на улицу.

Одиннадцать дней.

Где-то далеко, в другом времени, Алиса просыпалась и шла в школу. Она не знала, что папа сейчас на космической станции, за три недели до её рождения, ищет бомбу, чтобы спасти триста пятьдесят тысяч человек.

Она не знала, что это спасение станет для неё приговором.

Следующие дни тянулись медленно, как патока.

Максим делал вид, что выполняет указания Сергея – сидел в каюте, ждал сигнала, изредка выходил в город, чтобы не вызывать подозрений. На самом деле он искал.

Каждый день он обходил сектор семь. Не приближаясь к реактору – там было слишком много охраны и камер. Он ходил по периметру, запоминал, кто заходит, кто выходит, в какое время сменяются патрули, где слепые зоны.

Память Соколова помогала – контрабандист знал станцию как свои пять пальцев. Максим находил дыры в системе безопасности, о которых не догадывались даже проектировщики. Вентиляционные шахты, технические коридоры, заброшенные отсеки – всё это становилось картой, по которой он прокладывал маршрут к реактору.

На пятый день он нашёл то, что искал.

В техническом коридоре, который вёл к системе охлаждения, была старая вентиляционная шахта. По документам она числилась заваренной ещё двадцать лет назад, но Соколов знал,

что такие вещи часто делают спустя рукава. Максим проверил – заварка была, но ржавая, старая. При желании её можно было вскрыть.

Он вернулся в каюту и набросал схему. Если пролезть через шахту, можно попасть прямо к охлаждающим контурам. Именно там, по расчётам Максима, должна была находиться бомба.

Оставалось проверить.

Ночью, когда станция затихала, Максим выскользнул из каюты. Он надел тёмный комбинезон, взял инструменты, которые Соколов держал под кроватью, и двинулся к сектору семь.

Дорога заняла сорок минут – он шёл окольными путями, избегая патрулей. У входа в технический коридор замер, прислушался. Тихо. Только гул вентиляции и далёкий шум механизмов.

Он вошёл.

В коридоре было темно – лампы не горели. Максим включил фонарик на груди и двинулся вперёд, считая шаги. Сто двадцать третий шаг – здесь должна быть шахта.

Он нашёл её. Ржавая решётка, за которой чернела пустота. Максим достал ломик, поддел – решётка поддалась с противным скрипом.

Он пролез внутрь.

Шахта была узкой – едва протиснуться. Максим полз на животе, толкая перед собой инструменты. Где-то впереди гудели трубы – он приближался к охлаждающим контурам.

Через двадцать минут он упёрся в ещё одну решётку. За ней был свет.

Максим прильнул к прутьям.

Он смотрел в огромный зал, заполненный трубами и механизмами. Система охлаждения реактора работала в автоматическом режиме – огромные насосы перекачивали жидкий металл, поддерживая температуру в безопасных пределах.

И среди этих труб, на одной из платформ, он увидел её.

Бомба.

Она была небольшой – примерно метр в длину, полметра в ширину. Прикреплена к главному охлаждающему контуру, прямо там, где проходил основной поток. Если она взорвётся, реактор пойдёт вразнос за секунды.

Максим смотрел и запоминал. Расположение, крепления, систему детонации. Рядом с бомбой никого не было – видимо, террористы установили её и ушли.

Он достал мини-камеру, встроенную в имплант, и сделал несколько снимков. Потом начал отползать назад.

В этот момент за его спиной зажёгся свет.

– Стоять, – сказал голос. – Не двигаться.

Максим замер. Овернул.

В шахте, перекрывая выход, стоял человек с пистолетом. Сергей.

– А я думал, ты умнее, Артём, – сказал он с усмешкой. – Волков говорил – проверь его до конца. Я проверял. А ты взял и прокололся.

Максим медленно поднял руки.

– Что теперь? – спросил он спокойно.

– Теперь пойдёшь к Волкову. Он хочет с тобой поговорить. Лично. – Сергей махнул пистолетом. – Вылезай. Медленно. Без фокусов.

Максим вылез. Сергей обыскал его, забрал инструменты, фонарик, коммуникатор.

– Идём.

Они пошли по техническому коридору. Сергей держал пистолет у пояса Максима – если что, выстрел будет мгновенным.

– Давно ты на них работаешь? – спросил Сергей по дороге.

– На кого?

– Не придуривайся. – Сергей ткнул стволом в спину. – Я же видел, как ты смотрел на бомбу. Не как контрабандист, которому плевать. Как мент. Или ещё хуже.

Максим молчал. Просчитывал варианты. Если его сейчас приведут к Волкову, шансов выжить почти нет. Нужно было действовать.

– Сергей, – сказал он. – Ты ведь умный человек. Понимаешь, что происходит?

– Понимаю. Ты – крыса.

– Я не крыса. – Максим замедлил шаг. – Я тот, кто может спасти ваши жизни.

– Нам не нужно спасение.

– Нужно. – Максим остановился. – Вы проиграли, Сергей. Мы знаем про бомбу. Через несколько дней сюда придёт группа захвата. Волкова убьют или арестуют. Тебя тоже. Всех.

Сергей усмехнулся.

– Пугаешь?

– Предупреждаю. – Максим повернулся к нему лицом, игнорируя пистолет. – У тебя есть семья? Жена? Дети?

Сергей дёрнулся.

– Не твоё дело.

– Моё. – Максим смотрел ему в глаза. – Если ты сейчас приведёшь меня к Волкову, ты подпишешь им приговор. Потому что когда всё кончится, когда станция уцелеет, а ваши лидеры будут мертвы, придут люди с вопросами. И они спросят: кто помогал? Кто носил оборудование? Кто прикрывал? И назовут твоё имя. А потом придут к твоей семье.

– Заткнись. – Голос Сергея дрогнул.

– Я не заткнусь. – Максим шагнул вперёд, почти вплотную к стволу. – У меня тоже есть семья. Дочь. Семь лет. Я здесь, чтобы спасти её. И я не уйду без этого. Понимаешь? Не уйду.

Сергей смотрел на него с ненавистью и страхом.

– Ты псих, – сказал он.

– Может быть. – Максим улыбнулся. – Но я прав.

Они стояли в темноте технического коридора, глядя друг другу в глаза. Пистолет в руке Сергея дрожал.

– Что ты предлагаешь? – спросил он наконец.

– Отпусти меня. Скажи Волкову, что я сбежал, что ты не догнал. А сам..сам исчезни. У тебя есть несколько дней, чтобы вывезти семью со станции. Пока не началось.

– А если ты врешь?

– Не вру.

Сергей молчал долго. Потом убрал пистолет.

– Проваливай, – сказал он глухо. – Я тебя не видел.

Максим кивнул и пошёл в темноту. За спиной он слышал тяжёлое дыхание Сергея.

Через минуту он свернул за угол и побежал.

В каюту возвращаться было нельзя – Сергей мог передумать. Максим двинулся в другой сектор, в дешёвую гостиницу, где останавливались транзитники. Там, за наличные, можно было снять комнату на ночь без вопросов.

Он заперся в номере, сел на кровать и активировал имплант.

Максим: Бомба найдена. Координаты сбросил. Точка: сектор семь, охлаждающий контур, платформа 7-Г. Установлена на главной трубе. Волков знает, что я работаю на вас. Нужно ускорять операцию.

Координатор: Получил. Жди сигнала. Группа захвата будет через два дня.

Максим: Два дня – слишком долго. Волков может активировать раньше.

Координатор: Не может. Детонатор настроен на определённое время. Если он активирует раньше, бомба не сработает как надо. У нас есть запас.

Максим: Ладно. Жду.

Связь прервалась. Максим лёг на кровать и закрыл глаза.

Два дня.

Он думал об Алисе. О том, что через две недели увидит её. Обнимет. Поцелует. И они пойдут в парк.

Он ещё не знал, что парка не будет.

Два дня тянулись бесконечно.

Максим сидел в гостинице, выходил только за едой. Смотрел новости – станция жила своей жизнью, не подозревая о том, что висит на волоске.

На второй день, ближе к вечеру, имплант ожил.

Координатор: Группа захвата на месте. Начинаем операцию. Твоя задача – обеспечить доступ в сектор семь. Встречай в 22:00 у входа в технический коридор.

Максим встал, оделся, вышел.

В 22:00 он был на месте. Группа захвата уже ждала – пятеро в чёрном, с оружием и оборудованием. Командир – женщина с жёстким лицом – кивнула ему.

– Соколов?

– Корсаков, – поправил Максим. – Здесь я Соколов, но для вас – Корсаков.

– Без разницы. – Женщина махнула рукой. – Веди.

Они вошли в технический коридор. Максим вёл их по памяти, через вентиляционную шахту, к тому месту, где видел бомбу.

Когда они добрались до платформы, бомба была на месте. Рядом с ней стояли двое – Волков и ещё один человек, которого Максим не знал.

– Стоять! – крикнула командир группы. – Руки вверх!

Волков обернулся. Увидел Максима, и в его глазах мелькнуло понимание.

– Ты, – сказал он тихо. – Я знал. Знал, что нельзя верить.

– Опустите оружие, – приказала командир. – Вы окружены.

Волков улыбнулся. Странно, почти спокойно.

– Вы опоздали, – сказал он. – Бомба уже активирована. Через три минуты здесь ничего не будет.

Максим почувствовал, как кровь отливает от лица.

– Где детонатор? – крикнул он.

– Здесь. – Волков показал пульт в руке. – И он уже запущен. Не пытайтесь отключить – это невозможно.

Командир группы что-то кричала, люди бежали к бомбе, но Максим не слышал. Максим смотрел на Волкова и видел в его глазах ту самую пустоту, какую носил в себе сам.

– Зачем? – спросил он. – Зачем тебе это?

– Затем, что я прав, – сказал Волков. – И правда стоит смерти.

Максим шагнул к нему. Волков не сопротивлялся, когда Максим вырвал пульт из его руки. Но на пульте горела цифра: 02:47.

Две минуты сорок семь секунд.

– Уводите его! – крикнул Максим, бросаясь к бомбе. – И уходите сами! Я попробую отключить!

– Корсаков! – закричала командир. – Назад!

Но он уже не слышал. Он смотрел на бомбу, на провода, на детонатор. Память Соколова подсказывала – он видел такие раньше, на чёрном рынке. Таймер был стандартный, но защита стояла серьёзная.

Максим работал руками, разбирая механизм. Пальцы дрожали. Пот заливал глаза. 01:30. 01:15. 00:58.

ОН нашёл нужный провод. Красный. Всегда красный.

00:32.

Максим дёрнул провод.

Бомба щёлкнула и затихла.

Таймер замер на 00:17.

Максим откинулся назад, тяжело дыша. Рядом стояли люди из группы захвата, смотрели на него с уважением и страхом.

– Отключил, – сказал он хрипло. – Всё кончено.

Командир подошла, протянула руку, помогла встать.

– Молодец, – сказала она. – Ты спас станцию.

Максим кивнул. Он смотрел на бомбу, на безжизненный таймер, и думал об Алисе.

Через три дня он вернется домой. Вернется к Алисе. Но он еще не знал, что домой – понятие растяжимое, когда путешествуешь во времени

Глава 2. Чужая шкура

Первые три дня в теле Артёма Соколова были самыми трудными.

Максим лежал на скрипучей койке в дешёвой каюте и смотрел в потолок, в пятна плесени. Тело контрабандиста отказывалось подчиняться – каждое утро начиналось с ломоты в суставах, с противного привкуса во рту и желания закурить, которого у Максима никогда не было. Но хуже всего были сны.

Сны приходили чужие.

Он видел лицо женщины – не Лены, другой. Расплывчатое, почти стёртое временем, но с болью в глазах. Он чувствовал запах дешёвых духов и слышал голос: «Ты обещал, Артём. Ты обещал...». Он просыпался с мокрыми от слёз щеками и не понимал – своих или Соколова.

Память носителя не была линейной. Она приходила обрывками, вспышками, как сигналы с повреждённого передатчика. То вдруг всплывало лицо отца – пьяного, злого, с занесённой для удара рукой. То – запах порта, смесь масла и водорослей, который Соколов любил с детства. То – ощущение холода в тюремной камере, когда вырубает отопление и спишь, прижимаясь к такому же замёрзшему соседу.

Максим учился отделять своё от чужого. Это было как фильтровать воду – пропускать через себя поток воспоминаний, оставляя только то, что нужно для миссии. Остальное – сливать, забывать, не пускать внутрь.

Но иногда не получалось.

– Твою мать, – прошептал Максим, садясь на койке. Голова раскалывалась – Соколов любил дешёвое пойло, и его печень отчаянно пыталась переработать вчерашнюю дозу.

За три дня до встречи с Волковым. Три дня, чтобы стать Соколовым настолько, чтобы никто не заподозрил подмены.

Максим встал, доковылял до умывальника, плеснул в лицо водой. В зеркале на него смотрели глаза Соколова – усталые, с красными прожилками, с той особой пустотой, которая бывает у людей, давно переставших ждать от жизни чего-то хорошего.

– Справимся, – сказал он своему отражению. – Мы справлялись и не с таким.

Он оделся и вышел в коридор.

Станция просыпалась медленно, как старый человек с больными суставами.

В коридорах четвёртого сектора уже былолюдно – рабочие спешили на смену, официантки тащились в кафе, дети с рюкзаками бежали в школу. Максим шёл в толпе, вживаясь в ритм Соколова – чуть сутулясь, чуть прихрамывая на левую ногу (старая травма, память подсказывала: упал с погрузчика пять лет назад), с лёгкой раскачкой бывалого портового крысёныша.

Он направлялся в кафе «Уголок» – место, где Соколов обычно завтракал. Не потому, что там вкусно, а потому что дёшево и хозяйка должна ему пятьдесят кредитов.

Кафе оказалось забегаловкой с четырьмя столиками, липкими от жира, и стойкой, за которой стояла полная женщина лет пятидесяти с лицом, изъеденным косметикой.

– Сокол! – крикнула она, увидев его. – Явился? Долг принёс?

– Ты мне должна, Зина, – напомнил Максим, садясь за стойку. – Пятьдесят кредитов. С прошлого месяца.

Зина скривилась, но спорить не стала. Поставила перед ним тарелку с дешёвой яичницей и чашку кофе.

– На, жри. В долг, как обычно.

Максим ел молча, наблюдая за посетителями. За соседним столиком двое рабочих обсуждали последние новости – на верхних уровнях опять повысили аренду, народ возмущается.

В углу клевала носом старуха с тележкой, полной тряпья. У входа топтался парень в форме курьера, ждал заказа.

Обычное утро обычной станции.

– Слышь, Сокол, – Зина наклонилась к нему, понизив голос. – Тут вчера приходили, спрашивали про тебя.

Максим насторожился.

– Кто?

– Не знаю. Мужик такой, серьёзный. Спросил, часто ли ты здесь бываешь, с кем встречаешься. Я сказала – понятия не имею. – Зина пожала плечами. – Ты там поосторожнее, а? Не хватало ещё, чтоб менты в моём заведении кого-то брали.

– Не менты, – сказал Максим, хотя точно этого не знал. – Спасибо, Зина.

Он доел, оставил на стойке мелочь на чай и вышел.

На улице остановился, прикурил – Соколов курил, и Максиму приходилось делать это, чтобы не выделяться. Табак был дешёвый, горький, но после нескольких затяжек организм контрабандиста успокаивался.

Кто спрашивал? Сергей? Волков? Или кто-то другой, кто мог заподозрить, что Соколов – уже не Соколов?

Максим двинулся в сторону порта. Там, в этом лабиринте контейнеров и грузовых отсеков, он чувствовал себя увереннее. Память Соколова знала здесь каждый угол.

Порт гудел, как улей. Огромные краны перемещали грузы, сновали погрузчики, орали диспетчеры. Максим прошёл через зону досмотра, кивнул знакомому охраннику (тот даже не взглянул на пропуск – Соколов был своим), и углубился в лабиринт контейнеров.

Здесь, между штабелями ящиков с запчастями и продуктами, пахло космосом – той особой смесью металла, смазки и рециркулированного воздуха, которая пропитывала всё на станции. Максим сел на какой-то ящик и закрыл глаза.

Нужно было подумать.

Кто-то спрашивал о нём. Это могла быть обычная проверка – Волков наводил справки о новом человеке. А могло быть что-то другое. Например, настоящие хозяева Соколова – те, кому он был должен деньги. Память подсказывала: Соколов задолжал одному серьёзному человеку из портовой мафии тысяч двадцать. Если тот узнает, что должник ошивается поблизости, могли начаться проблемы.

Максим вздохнул. Внедрение всегда было игрой в напёрстки – слишком много факторов, слишком много людей, которые знают контейнера лучше, чем он сам.

Он открыл глаза и посмотрел на часы. Через два часа встреча с Кротовым в баре «У Тони». Нужно было готовиться.

Он встал и побрёл обратно, стараясь держаться теней.

Бар «У Тони» днём выглядел ещё более убого, чем вечером.

Тусклый свет, затхлый запах пива и пота, липкий пол. Тони стоял за стойкой и протирал стаканы с видом человека, который делает это уже лет тридцать и ненавидит каждый стакан.

Кротов сидел за тем же столиком, что и в первый раз. Увидев Максима, он нервно дернулся и затушил сигарету.

– Ты опоздал, – сказал он вместо приветствия.

– На пять минут, – Максим сел напротив. – Не ссы, Крот. Ничего не случилось.

– Случилось. – Кротов оглянулся, понизил голос. – Тут такие дела... В общем, я сегодня говорил с Сергеем. Он спрашивал про тебя. Подробно.

– Что именно?

– Откуда ты, кто тебя знает, где брал товар в прошлый раз. – Кротов заёрзал на стуле.
– Я сказал, что ты нормальный мужик, работал с разными людьми, никогда не подводил. Но он... он недоверчивый, этот Сергей. Очень недоверчивый.

Максим кивнул. Проверка. Он ждал этого.

– Что ещё?

– Ещё? – Кротов замялся. – Ещё он сказал, что хочет познакомить тебя с одним человеком. Не сегодня, позже. После того, как ты выполнишь первый заказ.

– С Волковым?

– Тсс! – Кротов зашипел, как змея. – Имя не называй! Никогда! Здесь стены имеют уши, понял?

Максим усмехнулся.

– Ладно, понял. С тем самым.

– Да. – Кротов выдохнул. – Если он захочет тебя видеть – считай, что ты прошёл. Но до этого... будь осторожен. Они проверяют всех. И если найдут что-то...

Он провёл пальцем по горлу.

– Знаю, – сказал Максим. – Не в первый раз.

Кротов посмотрел на него с сомнением, но промолчал.

– Заказ когда? – спросил Максим.

– Завтра. – Кротов достал из кармана смятый листок, протянул под столом. – Тут спецификация. Стабилизаторы, двадцать штук. Справишься?

Максим взял листок, пробежал глазами. Те же позиции, что называл Сергей.

– Справлюсь.

– Хорошо. – Кротов встал. – Я пошёл. Ты здесь не сиди долго, ладно? И вообще... не появляйся в моём районе без нужды.

– Боишься?

– Боюсь. – Кротов усмехнулся. – Я всю жизнь боюсь, Сокол. Это единственное, что помогает выжить.

Он вышел, оставив на столе мятую купюру.

Максим посидел ещё немного, допил остывший кофе и тоже направился к выходу.

На улице он остановился, закурил, делая вид, что просто стоит. На самом деле он сканировал пространство – искал слежку.

И нашёл.

В тени соседнего здания стоял человек. Не Кротов, не Сергей – другой. Высокий, в тёмной куртке, с лицом, скрытым капюшоном. Он не смотрел на Максима – делал вид, что изучает свой коммуникатор, – но Максим знал эту позу. Слежка.

Он медленно двинулся в сторону порта, не ускоряя шага. Через минуту оглянулся – человек двигался за ним, держась на расстоянии.

Максим свернул в переулок, потом в другой, потом нырнул в дверь какого-то склада. Внутри было темно и пахло гнилыми овощами. Он прижался к стене у входа и стал ждать.

Человек появился через полминуты. Остановился у входа, заглянул внутрь.

Максим шагнул к нему, схватил за грудки и втащил внутрь, прижав к стене.

– Кто ты? – прошипел он, сжимая горло. – Кто послал?

Человек захрипел, пытаясь вырваться. Глаза у него были испуганные – настоящий испуг, не наигранный.

– Пусти! – прохрипел он. – Я ничего... я просто смотрел...

– Кто послал?

– Никто! – Человек задёргался сильнее. – Я сам... я видел тебя с Кротовым... думал, ты тот, кто мне нужен...

Максим ослабил хватку, но не отпустил.

– Кому нужен?

– Мне. – Человек тяжело дышал. – Мне нужна работа. Я слышал, Кротов ищет людей для одного дела. А ты с ним встречаешься. Я подумал, может, ты... возьмёшь меня?

Максим смотрел на него. Парню было лет двадцать пять, не больше. Обычное лицо, обычная одежда, обычный испуг. Похоже на правду.

– Ты идиот, – сказал Максим, отпуская его. – За мной могли следить люди, которые не любят, когда за ними следят.

– Я не думал... – парень потёр горло. – Извини.

– Вали отсюда. – Максим махнул рукой. – И забудь, что видел Кротова. Понял?

– Понял. – Парень выскользнул за дверь и исчез.

Максим остался один в темноте склада. Сердце колотилось где-то в горле – реакция Соколова на адреналин.

Он выждал пять минут, потом вышел и быстрым шагом направился в гостиницу.

В номере он закрыл дверь на засов, сел на кровать и долго сидел неподвижно, глядя в стену.

Слишком много факторов. Слишком много случайностей. Каждая такая встреча могла стоить ему провала.

Он активировал имплант.

Максим: За мной следят. Пока – случайные люди, но проверка идёт полным ходом. Завтра получу заказ на стабилизаторы.

Координатор: Действуй по плану. Мы подготовили партию. Завтра в 14:00 придёшь в порт, контейнер 47-В, возьмёшь товар.

Максим: Понял.

Координатор: И осторожнее с проверками. Волков использует не только людей, но и техников. Могут сканировать импланты.

Максим: У меня защита.

Координатор: Надеюсь. Конец связи.

Максим отключился и лёг на кровать.

Завтра – первый реальный шаг в игре. А пока – нужно было стать Соколовым настолько, чтобы даже во сне не выдать себя.

Он закрыл глаза и провалился в темноту.

Ночь принесла новые сны.

Он стоял на краю обрыва. Внизу шумело море – настоящее, земное, с запахом соли и водорослей. Рядом стояла Алиса и держала его за руку.

– Папа, а почему вода солёная? – спросила она.

– Потому что в ней плавают слёзы, – ответил он.

– Чьи слёзы?

– Всех, кто когда-то плакал.

Алиса задумалась. Потом посмотрела на него серьёзными глазами.

– А ты плачешь, папа?

– Иногда.

– Я никогда не видела.

– Потому что я плачу, когда ты спишь.

Алиса улыбнулась и отпустила его руку. И сделала шаг в пустоту.

Максим закричал и проснулся.

В комнате было темно. Сердце колотилось где-то в горле. Он сел на койке, обхватил голову руками.

– Это просто сон, – сказал он вслух. – Просто сон.

Но внутри уже поселился холод.
Холод, который не проходил.

Утро началось с головной боли.

Максим лежал на койке и смотрел в потолок, пытаясь отделить свои воспоминания от снов Соколова. Иногда это было трудно – слишком яркими были образы, слишком реальными ощущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.